

Некоторые мысли о хореографии

Эти заметки являются по существу ответом на вопросы, заданные мне в период подготовки «Скрябинианы» рядом товарищей. На все вопросы, к сожалению, я ответить не смогу, так как для этого потребовались бы многие страницы, но постараюсь ответить на основные.

Занимаясь около двух десятков лет литературной работой, связанной с вопросами хореографии, я пришел к заключению, что самым нежелательным в таком деле являются поспешные выводы. Любая теоретическая работа, даже когда она опирается на практический опыт, сложна и предельно ответственна. А поэтому сейчас я ограничусь только теми выводами, в которых совершенно уверен.

Классической хореографии ошибочно приписывается неисчислимое разнообразие видов. По существу же это искусство покоится на двух основных и главнейших изобразительных признаках. К первому из них следует относить то, что разумеется под словом балет.

Этот наиболее популярный вид классической хореографии представляет рассказанное изобразительными и техническими средствами, реалистическое, театральное-танцевальное действие с ясно выраженным сюжетом, логическим чередованием картин жизни, с реальными персонажами, мимика и танец которых, имея конкретный смысл, так же понятны, как слова. Балету присущи костюмы и декоративное оформление, соответствующие эпохе и месту действия, и, конечно, музыка, раскрывающая события и переживания действующих лиц.

Вторым видом и ступенью классической хореографии является симфонический танец.

Этот вид хореографии не требует бытовых декораций и костюмов, ни реалистической жестикуляции, ни персонажей, какие мы привыкли созерцать в обиходной жизни.

В симфоническом танце, в большинстве случаев проникнутом глубоким содержанием, исполнитель разговаривает со зрителем залом не конкретными бытовыми жестами, а образами, подсказанными музыкой. Иначе говоря, симфонический танец по своей сущности тождествен симфоническим музыкальным произведениям. Именно ко второму виду и относится «Скрябиниана».

Та или иная музыкальная форма обязательно диктует хореографу своеобразную форму движений. Поскольку каждый композитор сохраняет в своих произведениях краски, типичные для него одного, постольку и симфонический танец, то есть каждый его жест, должен окрашиваться в особые динамические краски, приобретая новые изобразительные качества. Исходя из этого следует, что форма хореографии, навеянная музыкой одного композитора, скажем, П. Чайковского, будет чужда танцевальной форме, навеянной произведением другого композитора, даже его современника. Это, безусловно, распространяется как на симфонический танец, так и на балет.

К сожалению, большинство балетмейстеров наших дней подчинило свой художественный вкус единой, однообразной изобразительной танцевальной манере, ограничивающей их собственное творчество и обезличивающей, а иногда и искажающей показываемое на сцене действие и время. Такая изобразительная манера, весьма ограниченная во всех отношениях, давно уже превратилась в безжизненный трафарет и оживает на сцене лишь силой технического мастерства, приобретенного у станка в классах хореографического училища, и личным обаянием исполнителей.

Оживает эта манера и становится действенной и необходимой только в тех балетах, в эпоху которых возникла и с укладом

жизни которых была органически связана.

Все в мире развивается, изменяется и совершенствуется. Развивается и классическая хореография, возможности которой неисчерпаемы.

Редакционная коллегия газеты «Советский артист» заинтересовалась некоторыми затронутыми в этой заметке вопросами и предложила их развить. Откровенно говоря, предложение это заманчиво, своевременно и даже необходимо. Но мне думается, что здесь нужны не статьи, где автор заявляет о своем личном мировоззрении и эстетическом кредо, а пытливые товарищеские беседы. Творческая жизнь сама рождает вопросы, требующие быстрого разрешения, и споры, в которых, как утверждает народная мудрость, рождается истина.

И это — единственно правильный путь к разрешению нерешенных творческих задач, к воспитанию среди артистов и руководителей высокого художественного вкуса.

Можно ли в наши дни жить, уйдя в свою скорлупу, замкнувшись от людей, не прислушиваясь к велению времени?

Если бы руководство коллектива балета Большого театра в последние годы не считало себя безгрешным и привлекало бы в Большой театр больше различных мастеров хореографии, не появилась бы редакционная статья «Проблемы Большого театра» в № 10 журнала «Советская музыка».

В последние месяцы жизнь академического московского балета стала иной. Коллектив закипел новой и самостоятельной творческой жизнью. И если так будет и дальше, балет Большого театра обретет свое новое лицо, а не будет только стричь купоны с апробированных произведений XIX века и довольствоваться попытками догнать новое время и новых людей.

К. ГОЛЕЙЗОВСКИЙ,
заслуженный деятель искусств Литовской ССР, заслуженный артист БССР.